

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Центр перспективного развития

Приложение к информационному дайджесту: политика, образование, университеты

29 января 2013 года

Проблемы доминирования английского языка в науке волнуют не только российских ученых.

Почему немецкий исчезает как язык науки

«Тогда один биолог поднял руку и сказал: «В области биологии не существует научного немецкого языка», - Дитер Симон смеется, вспоминая об этом эпизоде, произошедшем 15 лет назад.

Тогдашний президент Берлинско-бранденбургской академии наук так красиво все придумал: в момент старта цифрового словаря немецкого языка в духе изданного братьями Гримм лексикона все предметы от юриспруденции до математики должны были представить два-три справочника.

То есть речь шла о кратких сборниках терминов, связанных с соответствующими дисциплинами. Но в ответ было сказано: **«В биологии существуют только тексты на английском, некоторые из которых затем переводятся. Поэтому мы тогда исключили биологию».**

В естественных науках, в математике, в науке о жизненных формах биологии, в экономической науке - во всех этих дисциплинах почти ничего теперь не публикуется на немецком языке. Все говорится, читается и пишется по-английски. Конгрессы, проходящие на немецкой земле, проводятся, естественно, на английском языке. Поэтому вопрос о переводчике вызывает при этом очень большое удивление.

Однако немецкий язык давно уже исчез или находится в процессе исчезновения не только в названных дисциплинах; **в гуманитарных науках также отмечается утрата немецким языком своих позиций.**

Сотрудники организации по названию «Информационная система высшей школы» (HIS) провели по этому поводу в 2010 году опрос среди научных работников разных стран. В результате все без исключения опрошенные указали на то, что немецкий язык теряет свое значение и в гуманитарных дисциплинах. При этом немецкоговорящие ученые, как известно, являются авторами новаторских исследований в некоторых областях, в том числе в истории искусств.

И при изучении истории музыки должна возникать необходимость хорошо владеть немецким языком, и это нужно для того, чтобы язык в определенной мере не терял своих позиций; в таком случае за границей будет существовать достаточное количество людей, читающих или говорящих по-немецки.

Этого, к сожалению, больше не происходит в той области, которую многие считают сферой применения изысканного немецкого языка, то есть в философии. «Я говорю своим студентам уже во время вводной лекции о том, что нашим научным языком является английский», - подчеркивает профессор аналитической философии Регенсбургского университета Ханс Ротт

Мнение Ротта однозначно: **рядом с одной хорошей книгой на немецком сегодня можно найти 20 таких же на английском языке.** По его мнению, даже о Канте лучшие книги написаны на английском. А как обстоят дела с Хайдеггером?

В данном случае нельзя отказать Ротту в наличии у него легкой иронии: «А это вообще немецкий язык?» Значение соответствующего родного языка для конкретной дисциплины Ротт считает переоцененным. «Роль искусства формулирования в философии преувеличена», - полагает он. По его мнению, важно, чтобы все было как можно более ясно сформулировано. В этом смысле детально разработанный язык может даже стать помехой.

В конечном итоге для философов важно иметь возможность принимать непосредственное участие в международном дискурсе. «Если я хочу обратиться к широкой аудитории и мне действительно есть, что сказать, то я должен сделать эту публикацию по-английски». **Если работа будет написана по-немецки, то она, скорее всего, останется незамеченной.** «С английским я играю в совершенно другой лиге».

При этом в философии, как почти в любой другой науке, дело обстоит так: чем уже круг тех людей, которые занимаются таким-то предметом, тем сильнее желание опубликовать свои работы и коммуницировать только на английском языке. Поэтому даже такие сильно ориентированные ранее на немецкий язык предметы, как антропология или теология, сегодня все более активно переключаются на английский язык.

Однако доминирование английского не связано с его рангом первого иностранного языка во всем мире. Еще одним важным аспектом является значение англосаксонских научных исследований. Не случайно немецкий в 19-м и в 20-м веке был важнейшим языком науки, и при том, что большая часть значимых естественнонаучных исследований приходила из Германии, эта страна и ее граждане с восторгом принимали все новое и неизвестное, а открытия в то время почти не оценивались с этической точки зрения.

Националистический угар Первой мировой войны и исход преимущественно еврейской интеллигенции во время Второй мировой войны привели к тому, что немецкий язык потерял свои позиции. Общественное осмысление этой эпохи породило подозрения, которые стали очевидными в дебатах по поводу шансов и рисков биотехнологии или медицины.

Наука сегодня должна оправдываться по поводу того, что она еще не совершила. Переход в другой язык в этом смысле может представлять собой для немецкого ученого неосознанное бегство от весьма критично настроенной публики.

Помимо этого **существует еще взаимное воздействие, которое не следует недооценивать. Так, например, частое цитирование в науке стало одной из важнейших валют. Растет популярность анекдота о том, что сегодня Альберт Эйнштейн не получил бы никакой кафедры, поскольку у него было слишком мало желания постоянно что-то публиковать.**

Кафедры часто отдаются в подчинение тем, кто может представить большее количество публикаций и ссылок. Но **самые главные индексы цитируемости учитывают преимущественно англоязычные книги и журналы.** Поэтому написанные на других языках тексты уже нельзя бросить на чашу весов - они в прямом смысле слова ничего не стоят. «Существует объективное давление, заставляющее публиковать свои работы на английском языке», - подчеркивает директор Института немецкого языка в Мангейме Людвиг Айхингер.

Научные работники говорят о том, что в публикациях на английском языке вычеркиваются даже сноски, содержащие указания на немецкие названия. **И от авторов требуют, чтобы они не только писали на английском, но и демонстрировали в стиле и содержании свою приверженность определенной англосаксонской исследовательской традиции. Свобода научных исследований? Наука не свободна от властных соображений.**

Английский язык теперь часто сравнивают с латынью, которая в предыдущие века служила языком науки. По мнению Людвиг Айхингера, это сравнение хромает. «Латынь была искусственным профессиональным языком, относительно стандартов которого ученые смогли договориться», - считает он. Но сегодня, как полагает Айхингер, преимущество, несомненно, получают те люди, для которых английский является родным языком.

15 лет назад в Германии были организованы первые англоязычные курсы. Сегодня, по данным Конференции ректоров высшей школы (HRK), их существует уже больше 800. Если учитывать, что по всем предметам от астрономии до языкознания можно насчитать в общей сложности 15 тысяч курсов, то доля английского языка может показаться незначительной, однако тенденция однозначная, и в процессе обучения **английский играет все более заметную роль не только как язык, на котором читаются тексты, но и как язык, на котором говорят, преподают и пишут.**

Это в первую очередь относится к учебным курсам, дающим право на получение степени магистра. В настоящее время существует 700 англоязычных курсов для получения степени магистра. На уровне бакалавра их всего седьмая часть. По мнению президента Конференции ректоров высшей школы Хорста Хипплера, так должно и оставаться. «На уровне бакалавра по-прежнему в качестве основного языка должен использоваться немецкий. При этом речь также идет о том, чтобы студенты имели возможность увлечься своим предметом, и это лучше и точнее можно сделать на родном языке». По его мнению, в задачу обучения входит не только передача знаний, но культуры выбранного предмета.

В пользу родного языка говорит также эффективность в процессе обучения. В исследовании, проведенном среди говорящих по-английски шведских студентов физических факультетов, было показано, что на иностранном языке они усвоили заметно меньше материала. Результаты этого исследования были опубликованы в журнале European Journal of Physics.

К такому же результату пришли авторы исследования, проведенного среди студентов-медиков. Согласно полученным данным, **25% информации, содержащейся в тексте, теряется, если литература по специальности дается на иностранном языке.**

В результате возникает еще одна проблема: **если немецкий научный язык утратит свои позиции, то исследователям станет сложнее представлять результаты своей работы даже образованной публике из числа неспециалистов.** Это относится как раз к таким дисциплинам, как биотехнология, а также химия и физика, которые находятся под давлением и вынуждены оправдывать свое существование. Подобного рода «отсутствие языка» может отразиться и на этих дисциплинах. Непонимание может быстро привести к неприятию.

Однако не все готовы с этим мириться. **В Берлине существует поддерживаемый федеральным правительством исследовательский кластер, в котором биологи, например, работают вместе с историками искусства.** Цель проекта под названием «Образ. Знание. Форма.» состоит в **языковом обогащении.** «Биологи, например, ориентируются на то, как мы описываем складки одежды у статуи Мадонны, и делают они это для того, чтобы подобрать слова для описания клешни речного рака», - рассказывает руководитель группы искусствовед Хорст Бредекамп.

Берлинский проект является также указанием на растущее опасение по поводу того, что немецкий как язык науки и обучения может утратить свои позиции. Интернациональность не должна обязательно означать лишь усиление влияния английского языка.

«Английский язык иногда только предполагает наличие интернациональности. Но на самом деле за этим скрывается некорректное манипулирование этикетками», - подчеркивает глава Немецкого совета по культуре Олаф Циммерман. Он выступает за то, чтобы и в малом, и в большом деле существовало более внимательное отношение к языку: «Плакаты на университетах не должны быть написаны только по-английски. Многоязычность должна стать требованием той науки, которая ответственно обращается со своей собственной культурой».

С этим согласна Моника Грюттерс, депутат Бундестага от партии ХДС и председатель комитета по культуре. «Нашей целью должно стать многоязычие. Я считаю необходимым, чтобы при публикациях и в высшей школе больше средств вкладывалось в переводы текстов», - подчеркивает она.

Именно в гуманитарных науках, по ее мнению, немецкий язык имеет долгую и значимую традицию, и поэтому не следует поспешно уступать место английскому языку. «Использование английского часто представляет собой неправильно понятое и неуместное единообразное мышление». У каждого языка имеется своя культурная память, которую следует сохранять. «Тот, кто в данном случае ссылается на связанные с переводом материальные затраты, ведет себя безответственно по отношению к своей культуре», - считает Грюттерс.

«Мы, немцы, быстро подстраиваемся под других», - считает также Дитер Симон, у которого и на этот счет припасена забавная история. Однажды вместе с пятью философами он участвовал в обсуждении Гегеля. Поскольку один из них был американцем, то немцы говорили на английском. «Так продолжалось до того момента, пока американец не попросил нас перейти на немецкий. Он сказал, что ему будет более понятен Гегель на родном для немецкого философа языке».

<http://www.inosmi.ru/world/20130129/205209243.html>